

ДИСКУРС: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР КАК ПОНИМАНИЕ И НЕПОНИМАНИЕ

Круглый стол

«ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР КАК ПОНИМАНИЕ И НЕПОНИМАНИЕ: ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО»

28 февраля 2002 г. в рамках конференции «Межкультурная коммуникация и проблема национальной идентичности», проведенной Воронежским МИОН и факультетом романо-германской филологии ВГУ, состоялся круглый стол на тему «Взаимодействие культур как понимание и непонимание: пределы возможного».

Участники конференции получили вопросы для обсуждения в самом начале конференции, поэтому дискуссии на пленарном и секционных заседаниях были так или иначе посвящены размышлениям над соответствующими проблемами.

В работе круглого стола приняли участие ученые-гуманитарии из вузов Краснодара, Курска, Волгограда, Липецка, Тамбова и Воронежа. Дискуссией руководили профессор В. Б. Кашкин (Воронеж) и профессор С. А. Сухих (Краснодар). Поднятые на круглом столе проблемы вызвали большой интерес и живой отклик у всех присутствующих. Предлагаем вниманию читателей фрагменты наиболее интересных выступлений участников.

Профессор **Вячеслав Борисович Кашкин** (Воронеж): Дорогие коллеги, для обсуждения на круглом столе были предложены три вопроса, концентрирующиеся вокруг следующих проблем: соотношение вербального и невербального при коммуникации, вербальные и невербальные маркеры своего и чужого, пределы понимания / непонимания при межкультурной коммуникации. Но я думаю, что мы не ошибемся, если объединим все три вопроса и обратимся к обсуждению проблемы «свой — чужой».

Хотелось бы отметить, что в процессе обсуждения проблематики конференции на заседаниях секций возникло множество идей относительно маркеров своего и чужого, о характере человеческого общения вообще, о свойствах языка, о тех наших мифах в отношении языка и коммуникации, которые давно вошли даже в обыденное сознание. Одним из таких мифов является представление о том, что язык есть средство передачи идей и средство коммуникации.

Однако свойство передачи информации не является определяющим для языка, в том числе и исторически. Изначально, как известно, языку была присуща магическая функция, т.е. функция заклинания природы, о чем мы с вами говорили, в том числе и на прошлом семинаре «Социальная власть языка» в октябре 2001 г. Человеку было необходимо организовать свои реакции на окружающий мир, выделить полезное и бесполезное, расставить мифо-семантические метки, которые, видимо, и были провозвестником нашего языка. Затем получилось так, что каждая группа людей расставляла эти мифо-семантические метки своим особым образом, и появилось то, что я называю делимитативной функцией языка или коммуникации. Люди объединяются в группы по тому, как они обозначают предметы, и отделяют себя тем самым от других. На нашей конференции мы говорили о границах между одной ментальностью и другой, довольно подробно обсуждали вербальные и невербальные маркеры своего и чужого, большей частью применительно к разным культурам. Однако маркеры своего и чужого можно наблюдать и при общении людей, принадлежащих к одной лингвокультуре.

Доцент **Людмила Владимировна Лаенко** (Воронеж): Я хотела бы обратить внимание аудитории на вопрос проф. В. Б. Кашкина о способе выживания двух различных социальных групп в рамках одного лингвокультурного сообщества. В коммуникативном взаимодействии между ними наблюдаются недопонимание вплоть до полного непонимания. Хочу отметить, что проще всего на такой вопрос можно было бы ответить чисто семиотически: чтобы избежать возможного конфликта в коммуникации, инициатору общения следует овладеть кодом передачи и получения информации своего коммуниканта.

Но в современных условиях, когда проблема межкультурной коммуникации и национальной идентичности является прерогативой не одной отдельно взятой области знания, а пронизывает своей актуальностью все сферы жизнедеятельности общества и жизнотворчества человека, подходить к ее решению, на мой взгляд, следует с позиции учета когнитивно-дискурсивных стратегий каждой отдельно взятой социальной группы с последующим осмыслением и выстраиванием модели социокультурно релевантного коммуникативного поведения коммуницирующих. Эта модель послужила бы говорящему инструментом для проникновения в когнитивный контекст собеседника и осуществления цели коммуникации. Сказанное выше не может не привести к мысли о необходимости рассмотрения различных отделов / сфер

/ разделов / блоков гуманистического знания под знаком объединения усилий с целью найти и/или сформировать общую теоретико-стратегическую базу для решения проблемы взаимопонимания в различных социальных контекстах как в пространстве одного лингвокультурного сообщества, так и разных сообществ.

Профессор **Татьяна Георгиевна Струкова** (Воронеж): Для ученых проблема общения прежде всего связана с анализом всего комплекса причин понимания или непонимания. По моему мнению, об этом хорошо сказал Х. Л. Борхес: «То, что сегодня нам представляется истинным, завтра будет ложно». Единого критерия истинности и ложности не существует, необходимо учитывать множество параметров. В качестве темы следующей конференции предлагаю проблему гуманизации жизни в постиндустриальном обществе.

Мне представляется, что разделение на литературоведов, культурологов, лингвистов и так далее достаточно искусственно. Если смотреть глубже, то все специалисты-гуманитарии во многом близки друг другу как по предмету, так и по методике и методологии исследования. В настоящее время происходит отход от собственно герменевтических проблем и формируется все большее понимание необходимости гуманизации современного постиндустриального мира, характеризующегося поливалентностью.

В. Б. Кашкин: Уже начиная с Аристотеля существует разделение на физику и метафизику, затем происходит более тонкая дифференциация наук, выделяются лингвистика, психология и др. Позже, на ином витке развития научного знания, начинается соединение дисциплин, например, психологии и лингвистики, появляются психолингвистика, этнопсихология, далее этносоциопсихолингвистика и другие пограничные науки, предмет рассмотрения которых не может не быть междисциплинарным. Очевидно, пора снова объединиться и сказать, что мы имеем две науки: науку о природе и науку о познании, которая объединяет все науки о человеке. Ведь физику изучает все тот же человек, используя единые средства познания. Таким образом мы получаем единое общее знание, так что целостность восстанавливается.

Профессор **Станислав Алексеевич Сухих** (Краснодар): Мы желаем этого объединения, но сама психическая и культурная реальность пока не позволяет этого сделать. Настоящее время характеризуется архаичностью в подходах к различным явлениям. Мы говорим, что доходим до этих проблем в большем объеме, чем раньше. Однако мы не можем снять проблемы «своего —

чужого», так как это основа нашего мышления (как отмечал Поршнеv), так же как некоторая субъект-предикатная единица — основа нашего сознания. Кроме того, важен еще один аспект проблемы. Маслоу пишет, что лишь один процент людей независимы от культуры. Менталитет своеобразен, это конгломерат, с одной стороны, бессознательного, с другой — социокультурного регулятива и с третьей — личностных качеств человека. Поэтому не случайно Гуссерль и его последователи утверждают бытие в собственном бытийном пространстве. Проблему «своего» и «чужого» с точки зрения культуры или этноса необходимо рассмотреть в широком контексте. Социальное потрясение, переживаемое обществом, можно анализировать в терминах «свое — чужое». Когда нас эмоционально затрагивают, мы начинаем общаться независимо от социального статуса, так как существует потребность нейтрализовать свой страх. Другая проблема — проблема манипуляции.

Ориентиром, который в состоянии разомкнуть ситуацию в будущем и который, как представляется, перспективен, может быть интеграция различных знаний и привлечение к анализу разных областей познания для более полного описания изучаемого явления. Таким образом, проблема изучения этнического своеобразия связана, с одной стороны, с таким качеством сознания, как способность к эволюции, и, с другой — с попыткой утверждения гуманистических принципов исследования.

Л. В. Лаенко: Оппозиция «свой — чужой» родоначально присуща человеку и является одной из кардинальных, через которую человек проецирует свою лингвокультурную модель выживания. Я согласна с Т. Г. Струковой в том, что, действительно, пришло время перейти от решения проблемы «свой — чужой» в ее многоаспектных вариантах к осмыслению проблемы общего, того, что объединяет разные социальные группы. Настоящая конференция невольно эксплицировала единое стремление представителей различных сфер знания к интеграции с позиций именно своего научно-специализированного базиса ученого-гуманитария найти структуры, модели, основания когнитивного, лингвистического, прагматического, исторического, экономического, философского, филологического характера, которые реализуют объединяющую функцию в коммуникации. В результате участники конференции испытывают чувство глубокого удовлетворения от взаимообогащения. Но налицо актуальность иной проблемы: как каждой из наук, лингвистике в частности, не потерять свое лицо при взаимообогащении.

Профессор **Людмила Ивановна Гришаева** (Воронеж): Мне хотелось бы остановиться на том, что проблемы, обсуждавшиеся на нашей конференции, изначально мыслились и ставились как междисциплинарные, хотя большинство участников — филологи и лингвисты. В предисловии к коллективной монографии «Эссе о социальной власти языка», опубликованной по результатам семинара «Социальная власть языка» (октябрь 2001 г.), я говорю о том, что лингвистику можно считать метанаукой для дисциплин гуманитарного цикла, точно так же, как математика есть метанаука для естественных дисциплин. Характерно, что лингвистика исследует и вопросы, как манипулировать изучаемым объектом, т.е. языком, в зависимости от потребностей субъекта научного познания, а также вопросы, связанные с изменением объекта исследования, вызванным потребностями субъекта. Другими словами, не только субъект приспосабливается к свойствам познаваемого объекта, но и объект приспосабливается к потребностям индивидуального и коллективного субъекта познания и коммуникации. И в этом — залог высокой объяснительной силы лингвистики для всех гуманитарных, да и естественных наук.

Лингвистика и филология в широком смысле всегда ведут междисциплинарные исследования, изучая СЛОВО в философских, физических, психологических и других текстах. Подобные исследования, по моему мнению, могут показать такие глубины, которые не могут изучить даже философы. Ведь лингвисты эксплицируют механизмы, которые способны подтвердить интуитивные предположения, тем самым многие догадки имеют шанс стать реально доказанными.

Исследуя механизмы вербализации наших мыслей, лингвисты могут эксплицировать и так называемую ментальность. Такая верификация лингвистическими методами размышлений и выводов философов, социологов, психологов, историков и других специалистов необходима для каждой науки о человеке, поскольку лингвистические приемы верификации помогают получить доступ к работе в естественных условиях здорового сознания. Не зря говорят, что назвать — значит познать.

Именно в этом смысле лингвистика есть метанаука. Я ни в коей мере не умаляю любомудрие. Моя позиция заключается в следующем: чем больше я читаю специальную литературу по проблемам межкультурной коммуникации, сравниваю те или иные культуры, явления, факты, субкультуры и т.д., тем больше я понимаю, что правы философы, которые утверждают, что

надо выстроить, прежде всего, такую цепочку: общее — частное, общее — единичное, частное — специфическое, проявление — закономерность, проявление — сущность и т.д.

Если мы в наших исследованиях будем руководствоваться такой методологией, то мы осознаем, что в межкультурной коммуникации целесообразно видеть первоначально общие закономерности, которые проявляются главным образом в том, что в нас, представителях различных культур, есть много общего. Следовательно, имеются некоторые инварианты, которые реализуются через множество вариантов. Очевидно, есть определенные закономерности варьирования соответствующего инварианта. Таким образом, на подобной основе можно составить матрицу варьирования инварианта и предсказывать возможные изменения, существенные для той или иной культуры. В таком случае исследователь может обоснованно решить, какие вопросы подлежат изучению в первую очередь, а какие вытекают из рассмотрения первых.

Хочу обратить также внимание на проблему соотношения вербального и невербального кодов межкультурной коммуникации. Полагаю, что их нельзя разрывать искусственно; при исследовании на вербальные и невербальные способы реализации интенции целесообразно смотреть даже не с точки зрения их равноправия и неравноправия, а с точки зрения адекватности и неадекватности использования соответствующих средств выражения и способов реализации интенции в неких дискурсивных условиях. Теоретически эти способы могут быть либо равноправными, либо в одной культуре может быть первична реализация интенции невербальными способами, в то время как в другой вербальный код может быть единственно допустимым для данного типа интеракции.

Таким образом, при коммуникации активизируются сведения различного уровня абстрактности, а интеракция погружена в разные виды континуумов: пространственно-временной, деятельностный, дискурсивный. Необходимо при этом изучать модификацию сведений, которыми располагает коммуникант, под влиянием следующих факторов: тип цивилизации, тип культуры, характер образования, статусные особенности и социальные роли и другие, вплоть до психофизиологических параметров личности. По мере того как человеческая индивидуальность входит в мир и становится социальным типом, сведения, входящие в ее концептуальную картину мира, меняются: прототипическое для соответствующей лингвокультуры остается в виде инварианта, ко-

торый под влиянием механизмов апперцепции может модифицироваться.

И при межкультурной коммуникации мы можем иметь дело с сопоставимыми / одинаковыми наборами знаний, обусловленными принадлежностью либо к одинаковым типам цивилизаций, либо к одинаковому типу культуры, либо универсально значимыми тенденциями образовательного процесса.

Л. В. Лаенко: Людмила Ивановна, я не слышала Вашего выступления и хочу задать вопрос: И сколько же тогда лингвистики в межкультурной коммуникации?

Л. И. Гришаева: Столько же, сколько равноправия и неравноправия между вербальным и невербальным кодами при интеракции в определенных условиях.

В. Б. Кашкин: Действительно, лингвистика может стать «наукой наук» именно потому, что каждая из них является не чем иным, как языком, описывающим тот или иной фрагмент действительности, ту или иную деятельность. Они выступают дискурсом в той или иной сфере, а разделение на подсферы в истории науки происходило постепенно, и сейчас, видимо, настала пора объединения. Наука, являясь дискурсом, одновременно является и мифологией. Приведем в пример концепцию В. В. Налимова, который, будучи математиком, лингвистом и философом, ставил вопрос о смене парадигм в науке. По мнению Налимова, их смена есть смена одних мифов другими. В контексте нашего обсуждения интересна статья Т. Шеффа «Scientific gangs», в которой говорится о парадигмах и научных школах. Так вот, одним из главных свойств школ, как оказывается, является неприятие чужих. Если человек говорит другим языком, использует другой дискурс, его не признают членом данного научного сообщества. Вопрос взаимопонимания здесь не ставится, как и вопрос объекта, речь идет исключительно о субъектных отношениях. Основной вопрос в мире науки — вопрос выживания.

Т. Г. Струкова: Мне представляется, что в настоящее время необходимо «разгерметизировать круг» ученых, главное заключается в направленности на результат. На самом общем уровне мы подходим к следующему выводу: для XIX и начала XX в. характерен позитивизм, вера в движение знания, причем вера в движение знания логического. Но в XX в. логическое знание не оправдало возлагаемых на него надежд. Сейчас наука обращается к иному методу познания — познанию интуитивистскому (об этом говорили Барт, Деррида, Фуко). В литературе и философии

фии происходит «переакцентация» в способе познания: литература интуитивно определяет, что будет потом, а лингвистика логически это закрепляет. Эту идею можно определить как результат работы конференции. В таком варианте эта мысль является значимой и весомой.

С. А. Сухих: Лингвистику связывает с другими науками, изучающими человека, многое. Возьмем психологию, к примеру. Но если психология преодолела узость когнитивного подхода, то лингвистика к этому только приблизилась и удивляется, глядя на результаты такого подхода. Дальше следует уход к тропному принципу — принципу космического сознания. Сознание мы пощупать не можем, проблема же сознания относится к области гуманитарных наук. Опосредование сознания происходит через невербальное и вербальное. Это те проблемы, которые лингвистика решает сегодня, но которые еще десять лет назад вызвали бы шок у лингвистов.

Т. Г. Струкова: Филология более строга, чем лингвистика. Выходя в область лингвистики, мы попадаем сразу «под обстрел». Литература понимает мир интуитивно. Если раньше приоритет в познании отдавался логике, а интуитивное выступало как некий «костыль», то сейчас большую роль играет интуитивное, а логос — лишь некое добавление к нему. Получается несоответствие между базисом и его осмыслением. Мы можем брать ежедневную речь, но чаще всего в исследовании мы опираемся на литературу. Это можно называть лингвистикой, литературоведением, но наиболее правильно говорить: филология.

Л. И. Гришаева: Если брать исторический аспект развития науки и вообще смотреть на речевую деятельность как таковую, то видно, что «как таковая» эта деятельность очень редко осуществляется сама по себе, так как она является по преимуществу инструментом, обслуживающим внеязыковые задачи. Таким образом, сугубо филологическими становятся те задачи, которые при традиционном подходе к научному знанию выходят за рамки и филологии, и лингвистики.

Доцент **Елена Николаевна Ищенко** (Воронеж): Продолжая тему взаимодействия и взаимовлияния наук, хотелось бы отметить исключительную важность проблемы метода для современного гуманитарного познания. Как известно, философия XIX в. весьма интенсивно занималась разработкой этой проблемы (герменевтика, неокантианство и др.). Тезис В. Дильтея «Природу мы объясняем, а душевную жизнь — понимаем» определил пафос самостоятельности и самодостаточности гуманитарных наук, стал

ответом на позитивистскую установку о «неполноценности» этих отраслей познания и во многом обусловил развитие гуманитарной методологической парадигмы XX в.

Однако существовало и мощное обратное влияние гуманитарных наук на философию. Общеизвестно, какое значение в философии XX в. приобрела проблема языка. Неопозитивизм, психоанализ, герменевтика, феноменология, аналитическая философия, структурализм и другие философские школы и направления обращались к анализу различных аспектов этой проблемы. Возможно, одним из важнейших достижений философских дискуссий прошлого века является то, что под их влиянием гуманитарные науки, осознав языковость (я бы даже сказала, принципиальную языковость) своего предмета, обратились к анализу собственных оснований и получили реальную возможность объединения. Показательно, скажем, что из сугубо лингвистических понятий текст, интерпретация, дискурс, концепт и тому подобное приобрели интердисциплинарный характер и стремительно распространились по ландшафту современных «наук о духе». Жесткие прежде границы между различными типами дискурсов: научным, философским, художественным и другими теперь становятся более размытыми и нечеткими.

Тенденция к объединению наук о человеке, явно прослеживающаяся в последние десятилетия XX в., имеет четко выраженный методологический аспект. Одним из ее проявлений выступает проблема критериев intersубъективности интерпретации. Признание эквивалентности всех интерпретаций, отсутствия критериев истинности, декларация независимости интерпретации от текста и авторского замысла являются следствием затянувшегося увлечения философии XX в. релятивизмом в эпистемологической сфере. Подобные утверждения ставят под сомнение исходный посыл научного познания и идут вразрез с основной тенденцией развития гуманитарных наук. «Трагическая разобщенность» (по выражению К.-О. Апеля) между философией и науками о человеке, как мне представляется, связана с нерешенностью проблемы критериев и границ возможного в интерпретации в современных философских исследованиях.

Как одному из организаторов нашего мероприятия, мне хотелось бы отметить тот отрадный факт, что конференция состоялась именно как междисциплинарная не только *«de jure»* — в связи с участием в ней представителей различных гуманитарных дисциплин — культурологии, политологии, социологии, философии и т.п., но и *«de facto»*, поскольку в процессе дискуссий,

в «живом» заинтересованном диалоге наук возникли новые темы для совместных проектов и исследований, которые, будем надеяться, претворятся в жизнь. Позвольте еще раз поблагодарить вас, уважаемые коллеги, за интересные доклады и за те идеи, которые могут стать почвой в том числе и для философского анализа.

Л. И. Гришаева: Разрешите поблагодарить философов, историков, экономистов, культурологов, журналистов, которые проявляют интерес к работе филологов и лингвистов и уже во второй раз принимают активное участие в работе наших конференций. Материал, который они предоставляют для филологических и лингвистических исследований, чрезвычайно интересен.

В. Б. Кашкин: Я присутствовал на семинаре проф. А. А. Кретова «Лингвистика: взгляд со стороны», на котором на сугубо лингвистические вопросы отвечают представители различных наук, и находится очень много точек соприкосновения. Это доказывает, что с позиции эпистемологии мы, в сущности, занимаемся одними и теми же проблемами. Познает, в том числе и физические явления, именно человек.

Наше сегодняшнее заседание подтвердило, что мы можем находить точки соприкосновения в различных проблемах, в частности в проблеме истинности и лжи. Вспомним основы семиотики: что такое знак? Обычно цитируют латинское выражение, которое переводится как «что-то вместо чего-то». Это, так сказать, «первородный грех языка», если «что-то вместо чего-то», то это — уже основание для лжи. Это же не «то же самое», а «что-то вместо чего-то». Далее идем по принципам Пирса: бесконечность семиозиса, постоянный перенос значения — отсюда и метафоризация, и язык науки, который полностью метафоричен, как и весь наш язык. В результате получается, что ни у кого нет права на окончательную истину, но это не значит, что ее не надо искать. Этим и будем заниматься.

Доцент **Наталья Александровна Фененко** (Воронеж): Тут прозвучала мысль, что лингвистика претендует на науку наук. Думаю, переводоведение на этот статус претендовать не может, но ему по силам внести определенный вклад в понимание проблемы «своего» и «чужого». Перевод есть понимание чужого через свое, принятие чужого через свое. Что происходит при переводе? При помощи своего языка и своей действительности мы осваиваем чужую действительность и чужой язык. При этом мы накладываем свою действительность на чужую, и только через призму своей действительности мы воспринимаем чужую. Транс-

формации, замены — это все возможности приспособить что-то под себя, таким образом решаются проблемы частного и общего: что есть для нас общее, что есть для нас частное, что мы должны оставить — общее, общечеловеческое, а чем мы можем пренебречь. Но это все было бы половиной поставленной проблемы, так как через чужое происходит и познание себя — вот что оказывается важным для исследователя, который сопоставляет две культуры, два менталитета. Сопоставляя, он познает прежде всего свою культуру. Эта идея звучала через серию разных проблем и на конференции, и сегодня и была проанализирована в аспекте перевода.

В. Б. Кашкин: Сопоставляя и переходя границы «своего» и «чужого», мы стремимся к взаимопониманию. На секциях и пленарных заседаниях часто возникала и обсуждалась проблема понимания и непонимания. Таким образом, сама логика размышления подводит нас к проблематике понимания — одной из вечных, кстати, проблем философии, филологии, да и жизни вообще. Можем предложить эти проблемы для обсуждения на следующей конференции.

К конференции «Межкультурная коммуникация и проблема национальной идентичности» проявили интерес многие ученые, которые не смогли лично высказаться на заседаниях конференции. Эти исследователи, ознакомившись по Интернету с проблемами, предложенными для обсуждения на круглом столе конференции «Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности», прислали свои размышления в оргкомитет по электронной почте. Приводим некоторые высказывания.

Старший научный сотрудник Украинского института социальных исследований **Алиса Валерьевна Толстокорова** (Киев, Украина): В последние десятилетия благодаря расширению международных контактов преподаватели высшей школы получили непривычную ранее возможность повышения квалификации в зарубежных университетах. Воспитанные в закрытом обществе и в основном «невыездные», представители старшего и среднего поколений научной интеллигенции, как правило, не имели возможности на собственном опыте приобщаться к «иным» культурам и овладевать навыками межкультурного взаимодействия. И хотя СССР был государством многонациональным, все мы, независимо от этнической принадлежности, являлись представителями «особой общности» — советского народа, в котором не было места ни культурному шоку, ни межкультурным конфлик-

там. Да и кросс-культурная компетенция была нам ни к чему — ведь «вышли мы все из народа» и были детьми одной и той же «семьи трудовой», с одной культурой на всех. Поэтому неудивительно, что в Соединенных Штатах, мне, естественно, пришлось сталкиваться со множеством кросс-культурных проблем как в академической, так и в повседневной жизни.

Это был мой первый серьезный опыт длительного погружения в иноязычную среду, знакомство с другой культурой изнутри, на правах «легального резидента», а не туриста-созерцателя, так как благодаря гранту госдепартамента США мне довелось участвовать в программе стажировки преподавателей вузов. И хотя из лекций на предориентационной сессии в Киеве я уже знала и о культурном шоке, и о сложностях адаптационного периода в другой стране, к собственному удивлению я поняла, что, несмотря на солидный опыт преподавания американоведения в университете, мое представление об общепризнанных американских культурных ценностях и стереотипах было весьма искаженным и неадекватным реальной жизни.

Причин тому, конечно, много. Но думаю, что в первую очередь такое впечатление было вызвано глубоко укорененными мировоззренческими установками и ожиданиями, созданными под влиянием американских средств массовой информации и видеоиндустрии. Объясню, что я имею в виду. Вполне понятна патриотическая цель «четвертой ветви власти» в США создать с помощью аудиовизуальных средств максимально положительный имидж Америки как общества неограниченных возможностей. Причем этот обобщенный образ рассчитан как на рядового американца, так и на мировое сообщество. Но при этом часто не учитывается, что те средства, которые успешно работают на родной почве (в данном случае американской), за пределами породившего их культурного контекста часто приводят к совсем иному, если не противоположному, эффекту. Например, когда-то, во времена холодной войны, невинный олимпийский символ — пушистый игрушечный мишка — в глазах рядового гражданина СССР был олицетворением доброжелательности и открытости «обобщенного» советского характера. Для тех же, кто воспринимал этот символ с противоположной стороны «железного занавеса», игрушечный мишка был намеком на лютость и непредсказуемость пресловутого «русского медведя», которого лучше не трогать, чтобы не иметь лишних хлопот. Точно так же агента секретных спецслужб называют разведчиком, если он из «своих», и шпионом, если он представляет стан врага, — все

зависит от шкалы ценностей стороны, которая оценивает и дает наименование.

Аналогично этому образ Америки как супердержавы имеет патриотичное наполнение в самих Соединенных Штатах, но из-за океана он воспринимается как портрет мирового полицейского, готового в любой миг напасть на любого, кто осмелится угрожать традиционным американским ценностям. Фильмы и бесконечные сериалы об американских копах-суперменах, которые при любых обстоятельствах одерживают победу в борьбе с разгулом криминального мира, имеют целью продемонстрировать рядовому американцу главенство закона в его государстве и внушить идею о неизбежности наказания за несправедную жизнь. Заграничный зритель, который воспринимает эти события виртуального мира в условиях криминального контекста своей собственной страны, отфильтровывает эту идею в своем сознании, поскольку она его просто не касается. Какая польза от героизма американских стражей порядка маленькому незащищенному человеку в России, Украине или Береге Слоновой Кости? Помогут ли техасский рейнджер и полицейский из Лос-Анджелеса потерпевшему от грабителей в Москве, Киеве, Токио? Конечно же, нет! Зато после таких фильмов остается другое — яркие образы бандитов, впечатление об Америке как о стране анархии, преступности и потребления, о мире, зараженном идеологией индивидуализма, где власть силы важнее традиционных человеческих ценностей.

К счастью, в реальной жизни «черт» оказался совсем не таким страшным, как на экране. Мой «культурный шок» имел исключительно положительную окраску и был вызван знакомством с действительностью, которая превзошла даже самые оптимистичные ожидания. Американцы, по крайней мере, с кем мне пришлось общаться, оказались совсем не такими, как я себе их представляла, не прагматичными буржуа, для которых работа и деньги — единственный смысл жизни, а интеллигентными, доброжелательными, дружелюбными людьми с большим чувством собственного достоинства, широким кругозором и разнообразными интересами.

Конечно, мне хотелось понять, почему же обычные американцы в реальной жизни так отличаются от тех агрессивных индивидуалистов, которыми я их видела в фильмах, журналах, телепередачах, книжках, созданных, кстати, в самих США? Почему «парень с ружьем» — типичный американский экранный герой — в непосредственном общении оказывается радушным и приятным человеком, весьма сентиментальным и даже наивным?

Я пришла к выводу, что этот парадокс имеет свои корни в глубоких межкультурных различиях в восприятии и интерпретациях определенных характерологических понятий в самой Америке и за ее пределами, в частности, тех основных качеств, которые традиционно приписываются обобщенному образу «стандартного американца». Эти расхождения в первую очередь касаются понятия «индивидуализм», которое в любой литературе об Америке — от научных трактатов и публицистики до рекламных роликов и туристических проспектов — подается как ключ к пониманию американского национального характера. Даже во время ориентационной сессии, которую наша группа проходила в Делаварском университете, неоднократно подчеркивалось, что осознание индивидуализма как основного свойства американского менталитета является главным условием успешной адаптации иностранца к новому культурному окружению в США.

Тем не менее со временем оказалось, что коннотации этого понятия в лингвистическом сознании бывших «советских» (по крайней мере, украинцев и россиян) и американцев очень разные, если не антонимичные. Первые воспринимают индивидуализм как сугубо отрицательное качество, как синоним эгоизма и эгоцентризма. Это понятие характеризует черствых, неспособных к эмпатии лиц, живущих исключительно для себя, склонных пренебрегать потребностями и интересами других для достижения собственных целей. Индивидуализм как свойство личности считается свидетельством низкого уровня ее духовной эволюции и потому осуждается в русской и украинской культурных традициях. Этому есть свое объяснение даже в недалеком историческом прошлом. Основой социалистической идеологии был лозунг «общественное выше личного», и те, кто отдавал свою жизнь, чтобы спасти горящий трактор, провозглашались героями. Тем самым в массовом сознании (или даже подсознании) закреплялась мысль, что жизнь отдельного человека не стоит даже груды общественного железа. Развитие личности, индивидуальной свободы в таких условиях было невозможно. А где нет индивидуумов, там не может быть и индивидуализма.

В американской системе ценностных критериев, насколько я понимаю, индивидуализм, наоборот, скорее ассоциируется с самодостаточностью и способностью « позаботиться о себе » («to take care of oneself») — социальным навыком, абсолютно необходимым для выживания в динамичном, мобильном американском обществе, где достичь успеха можно лишь при условии высокой конкурентоспособности и инициативности. В таком

контексте это качество воспринимается как способность личности делать свою судьбу собственными руками и быть в состоянии нести за это ответственность, не перекадывая ее на других — семью, друзей, государство. Индивидуализм в этом смысле поощряется, поддерживается и даже культивируется в американском обществе как маркер социальной зрелости личности.

Я считаю необходимым поделиться своими мыслями относительно различий в языковом сознании разных культур с тем, чтобы еще раз привлечь внимание учителей, преподавателей вузов, научных работников к вопросу о влиянии коммуникативных установок и ценностных ориентаций на вещи, на первый взгляд, непосредственно не связанные с лингвистикой. Я имею в виду, то что некоторые, кажущиеся незначительными, расхождения в семантике аналогичных понятий в разных языковых системах могут вести к недоразумениям в восприятии культурных стереотипов, служить причиной коммуникативных сбоев и даже межкультурных конфликтов. Поэтому хочу еще раз подчеркнуть важность разработки вопроса кросс-культурной компетенции в образовательном процессе. В наше время глобализации общественных процессов разработка данной проблемы весьма актуальна с точки зрения достижения взаимопонимания и успешного социального взаимодействия между представителями разных культур.

Профессор **Татьяна Фроловна Ухванова-Шмыгова** (Минск, Беларусь): Каждое научное направление, каждая дисциплина является одновременно и открытым, и закрытым текстом, ибо интегративные процессы в образовании и исследовательской работе так же естественны, как и процессы дифференциации. И это не удивительно. Каждая наука имеет свой предмет и объект знания. *Предмет знания* обеспечивает ее самостность, идентифицирует ее среди других наук, в то время как *объект знания* неизбежно выводит на интегративные тенденции, ибо определяет поле, которое эта область знания обрабатывает.

Количество областей знания естественным образом ограничено. Соответственно, науки нередко вынуждены «топтаться на одном и том же поле», строя высокие метаязыковые заборы, чтобы защитить свою «чистоту». Такое может происходить не только с молодыми, но и со зрелыми науками. И вопрос здесь не в том, насколько твердо стоит наука на ногах, а, видимо, в том, какова общая культура научного сообщества, насколько распространены ценности плюрализма. Ведь именно они помогают осознать значимость множественности, вместе с которой приходит понимание, что потерять свое лицо можно и со сви-

той охраны, и даже находясь на пьедестале, если эта множественность случайна и хаотична. Если же науки начинают толпиться, борясь за место под солнцем, и выстраиваются в «парад звезд» — кто важнее, кому принадлежит лидерство, то неизбежны научные потери.

Интегративность — это естественный процесс «взросления» наук. Наука развивается вширь (экстенсивно) и вглубь (интенсивно, сущностно) в поисках значения (исследование самозначимого единичного) и значимости, валентности (типологические исследования) как прикладная наука (ориентированная на субъект-объектные отношения, технологический аспект) и в качестве коммуникативной науки (ориентированной на субъект-субъектные отношения, стратификационный аспект).

В этой связи уместно сопоставить русскоязычный термин «социально-гуманитарный блок знаний» и англоязычный *social science and humanities*. Первый термин только подчиняет гуманистику социально-политической науке, тогда как второй утверждает их равноправие. Нам кажется, что продуктивнее не подчинять одни науки другим, а соподчинять их. Только в этом случае мы сможем реализовать потенциал каждой отрасли знания и обеспечить их полноценное взаимодействие.

Мы предлагаем ряд тезисов, относящихся к современному полю гуманистики.

Тезис 1. Интегративные процессы в современной гуманистике основываются на том, что гуманитарное знание текст-центрично (дискурс-центрично), т.е. его источник и конечный результат — текст. Именно он является вербальным событием гуманитарной науки, т.е. дискурсом. Будучи источником, средством и результатом, текст неизбежно становится также и предметом исследований. В итоге мы можем констатировать появление дискурсных направлений в психологии, дискурсной философии, истории, лингвистики и т.д. Такой подход способствует рождению нового знания, которое можно было бы назвать дискурс-знанием (т. е. знанием с учетом того, каким образом данное конкретное знание репрезентировано). Что мы понимаем под дискурс-знанием? Можем ли мы сказать, что это — знание, прочитанное с позиций теории, методологии или, быть может, философии? Ответ будет верным, если мы союз «или» заменим на союз «и». Это — и то, и другое, и третье. И не только. Дискурс-знание непосредственно проецируется еще на две позиции — коммуникативный процесс и технологии.

Тезис 2. Современное гуманитарное и социальное знание строится

не на трех, как еще в недавнем прошлом, «китах»: методология (философия) — теория — практика, а на *четырёх или даже пяти основаниях*. Гуманистику пронизывают различные методологии, философии, теории, технологии и коммуникации, образуя сложное единство. *Иначе говоря, любое знание не только множественно* (является одним из знаний), *но также технологично* (конструируется в результате целенаправленной деятельности) и *коммуникативно* (конституируется речевыми практиками).

Тезис 3. Технологии и коммуникации — такое же самостоятельное поле исследования, как методология и теория. Позволим себе здесь небольшое отступление и поговорим о лингвистике в аспекте ее интегрирования в область социального знания. Лингвистика раздвоена. Наука о языке как средстве общения (назовем ее условно лингвистика 1) давно находится в противоречии с наукой о языковом использовании (лингвистика 2, или речеведение, речевая коммуникация). Появление таких лингвистических дисциплин, как прагмалингвистика и этнолингвистика, психоллингвистика и социоллингвистика, не спасает положения, потому что они сами как бы разрываются между различными ориентациями. Так возникли прагматика языка и прагматика речи, этнолингвистика языка и этнолингвистика речи и т. д., причем ведущая роль так и остается за лингвистикой 1.

Речевая коммуникация стала, по существу, самостоятельной дисциплиной, имеющей свои ответвления, как-то речевая конфликтология. Уже существуют речеведческие кафедры в Санкт-Петербурге, Москве, Минске. По этому направлению защищаются диссертации.

Принципиальное отличие лингвистики 2 от лингвистики 1 — внимание к функционированию языка на макроуровне, вовлекающем в свою орбиту не только макротексты самого различного формата (отчеты, газетные и журнальные издания, книги, теле- и радиопрограммы), а также речи, пресс-конференции, избирательные кампании, фильмы, спектакли, интермедии, но и целое множество так называемых сопутствующих кодов, и в первую очередь речеповеденческий и перформативный (общение с учетом невербального поведения — языка тела, одежды, символики). Осознание значимости коммуникативных и технологических практик привело к зарождению новых дисциплин в русле социологии (социальная коммуникация) и журналистики (технология коммуникации).

Что же мы наблюдаем? Новый источник зарождения нового знания и, соответственно, новых дисциплин. Отсюда — наш следующий тезис.

Тезис 4. Сегодня открытие нового знания в гуманитарной сфере происходит не на встрече (или, как было принято говорить, на стыке) наук, а на «встрече субъектов», их опыта, знаний, культур, текстов, историй, т.е. мы отмечаем тенденцию объективизации субъект-субъектных отношений во всех областях гуманитарного знания.

И, наконец, *тезис 5. Встреча субъектов — основа интегративных подходов. А изучение этого явления — общая задача лингвистов, специалистов в области теории коммуникации, социологов и политологов. Ее решение мы видим на двух направлениях: с учетом образовательных и исследовательских тенденций.*

Первое направление — обучение. Обучение молодежи в области социальных и гуманитарных дисциплин, как свидетельствует международный опыт организации университетского образования, должно строиться на «переключке» профессий: обязательные курсы и спецкурсы, составляющие ядро профессиональной подготовки, включая специализацию и набор факультативов из смежных дисциплин, которые студенты выбирают по своему «вкусу» с целью расширения профессиональных знаний за счет междисциплинарного материала.

Например, будущим специалистам в области социальных наук предлагаются лингвистические курсы. Другими словами, мы говорим об междисциплинарности в ином аспекте. Для нас *междисциплинарность — это вовлечение разных дисциплин в отношения не примыкания, а согласования и управления.*

Второе направление — область исследования. Заслуживают всяческой поддержки создание междисциплинарных лабораторий и проектов (как внутриуниверситетских, так и межуниверситетских), организация междисциплинарных конференций, круглых столов, совместные публикации.

Оба направления получают самое широкое развитие и распространение в мире.

Дискурс-теория в настоящее время не является чем-то однородным и однозначным. Скорее, это собирательный термин, обозначающий целый ряд подходов. Значимыми в этом ряду являются направления, разрабатываемые в рамках международных междисциплинарных проектов, реализация которых представлена в публикациях ученых Великобритании (Glasgo Media Group), Голландии и Австрии (проект «Дискурс расизма» и в его рамках «Парламентские дебаты по эмиграции» Т. ван Дейк и Р. Водак), Литвы (проект «Дискурс власти и инакомыслия» Э. Лассан), Беларуси («Дискурс власти и контрдискурсия» И. Ухванова).

Не менее многообразно представлены прикладное и академическое направления. Максимально репрезентативным в этом плане оказался первый норвежский форум «Жанры и дискурсы в образовании, работе и культурной жизни: встречи академических дисциплин в теориях и на практике» (май 2001 г.), собравший представителей данной области знания из многих стран мира (очередной форум будет проходить в 2003 г. в г. Кардифф, Великобритания). На данном форуме, проходившем в г. Осло, было представлено наиболее перспективное, на наш взгляд, направление — «дискурсная экспертиза».

Речевая коммуникация, или речеведение, — новое для Республики Беларусь направление научно-педагогической деятельности высших учебных заведений. В Беларуси в настоящее время оно получает наиболее полное и последовательное развитие силами двух ведущих вузов республики — Минского государственного лингвистического университета (кафедра речеведения и теории коммуникации) и Белорусского государственного университета (кафедра английского языка и речевой коммуникации и кафедра социальной коммуникации).

В центре внимания педагогического процесса — обретение студентами дискурс-компетенции. Понятие дискурсной компетенции введено в научную терминологию относительно недавно и обозначает наличие знаний современных дискурсных теорий и практическое овладение профессионально ориентированными дискурсными практиками. Мы полагаем, что, изучая профессионально ориентированные дискурсные практики, опираясь в оценке наших знаний на дискурсную экспертизу, мы придем к совершенствованию и гармонизации знаний, а значит, и нашей жизни.

Академическое направление представлено в Белгосуниверситете целым рядом академических курсов и спецкурсов. До настоящего времени их направленность определялась заказом конкретных факультетов, где читаются данные курсы.

Кафедра английского языка и речевой коммуникации видит свое предназначение в пропаганде дискурс-культуры в Белгосуниверситете, в частности на факультете философии и социальных наук и факультете журналистики, и осуществляет это, активно внедряя в учебный процесс данных факультетов дискурс-ориентированные спецкурсы. На сегодняшний день преподавателями кафедры читаются такие спецкурсы, как «Дискурсные методики в социологическом исследовании», «Межкультурная коммуникация», «Бизнес-коммуникация», «Гражданское общество и

дискурсные практики», «Основы социолингвистики», «Дискурсные технологии социальной работы». Сюда же можно добавить и курс по специализации «Политический обозреватель», зародившийся из программы спецкурса «Дискурсные технологии политической журналистики».

Преподавателями кафедры английского языка и речевой коммуникации подготовлен еще целый ряд спецкурсов, которые в настоящее время апробируются в учебном курсе английского языка в рамках учебных модулей программы «Английский для специальности». Среди них — «Психология одаренности и дискурс-компетенция», «Основы лидерства», «Аналитическое письмо: дискурсные практики и дискурсии», «Жанры СМИ как коммуникативные практики».

И, наконец, чтобы наиболее полно представить тенденцию развития кафедры в данном направлении, назовем спецкурсы и учебные модули, которые кафедра рекомендовала к разработке на следующий учебный год. Это — «Дискурс консолидации», «Речевая конфликтология», «Критический анализ», «Идиоматика в дискурсе англоязычных СМИ и проблемы межкультурной компетенции», «Библейская фразеология как источник интертекстуальности в современных англоязычных СМИ: интерпретативный аспект», «Картины мира в религиозном дискурсе разных конфессий», «Технологии эффективного журналистского письма», «Полилог в СМИ», «Гендерно-ориентированный дискурс».

Как видно из этого списка, дискурс-центричные курсы и учебные модули начинают занимать значимое место в учебном процессе и служат дополнительным звеном в подготовке специалистов по социальным наукам (психологии, социологии, философии, коммуникации), а также журналистике и литературному редактированию, поднимая на должный уровень дискурсную компетенцию будущих бакалавров, специалистов и магистров.

Научно-исследовательское направление также имеет непосредственное воплощение и представлено серией книг «Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов» (Минск, 1998—2000. Вып. 1 и 2). Так, выпуск 1 — поле обсуждения методологических посылок, сформировавшихся в рамках различных лингвистических направлений и дисциплин. Здесь, в частности, представлены исследовательские парадигмы функционально-деятельностного, этнолингвистического, каузально-генетического, прагмалингвистического подходов. Практически все предлагаемые исследовательские программы характеризуются

ются интегративными тенденциями и могут рассматриваться в качестве основания для прикладных методик дискурсивного анализа политического текста. Рассмотрев эти позиции, авторы с методологического уровня переходят на уровень конкретных исследовательских алгоритмов. Здесь и взгляд лингвиста на политический дискурс с учетом исторического контекста, и психолингвистическое исследование семантических пространств дискурса, проведенное политологами, что в совокупности призвано продемонстрировать неизбежность пересечения интересов и исследовательских алгоритмов у представителей гуманитарных и социальных наук. Закономерен и перенос акцента на исследование сложного языкового знака — текста, в частности рассмотрение возможных методик изучения политических текстов как содержательно-функциональных единств. Значимыми в контексте данного выпуска являются также обсуждение поля субъектной репрезентации политического текста, рассмотрение в когнитивном и дискурсивном аспектах специфики функционирования в политическом дискурсе знаний и умений, исследование ментальных схем «свой мир — чужой мир». Представлены здесь и результаты исследований политической рекламы. Проводится анализ текстов средств массовой информации с позиций такого направления современной науки о языке, как лингвистика лжи. И, наконец, выпуск 1 дает представление об исследовательской парадигме, получившей обоснование в работах представителей белорусской лингвистической школы.

В центре внимания выпуска 2 — стратегические подходы к изучению общественно-политических текстов как вербализованных социальных действий и общественно-политического дискурса как вербализованных социально значимых событий. Авторы сосредоточили свое внимание на различных аспектах проблемы — методологических и философских, теоретических и коммуникативных, технологических и специальных. Оценив адекватность и эффективность различных стратегий и методик, авторы выявили общую тенденцию к сближению подходов, в том числе сближению качественной и количественной методологических парадигм. В выпуск включены материалы о современном состоянии не только теории, но и практики исследовательской работы. Для ученых максимально важно расширить объект исследования, в результате чего в поле исследования вошли такие дискурсивные практики, как философская, педагогическая и религиозная, а также коммуникация в организациях, межкультурный и национально-консолидирующий дискурс.